

АФРИКА

НЕОКЛАССИКИ

ДИРИКА

СТИХИ.

Е. Волчанецкая, М. Гальперин, В. Гиляровский, Г. Дешкин, Н. Захаров-Мэнский, В. Кочергин, Э. Левонтин, О. Леонидов, Н. Манухина, Н. Минаев, С. Укше, Е. Шварцбах-Молчанова, М. Ямпольская.

„НЕОКЛАССИКИ“.

Москва, — 1922 г.

*Настоящее издание отпечатано в
количестве одной тысячи экземпля-
ров для группы „НЕОКЛАССИКИ“
в типографии Центрального Инсти-
тута Труда. Обложка работы худ.
Георгия Ечеистова.*

Поэты: М. П. Гальперин, В. А. Гиляровский, В. А. Кочергин, Э. Е. Левонтин, О. Л. Леонидов и Н. Н. Минаев вполне разделяют основные положения группы „Неоклассиков“, остальные представленные в сборнике поэты являются членами группы.

ЕКАТЕРИНА ВОЛЧАНЕЦКАЯ.

I.

Гоп! Алле! Как стальная пружина
Перелетаю на арене широкие полосы,
И слышу щелканье бича господина
И знакомые нотки в ободряющем голосе.
Я признан всеми большим талантом,
А пришлось по задворкам ютиться смолоду;
Украшает кепи с кокардой и бантом
Мою неуклюжую, лохматую морду.
И с хозяином вместе, на этих подмостках,
Мы делим дружные восторги зрителей,
Он—в халате, расшитом блестками,
Я—в красном, с позументами, кителе.
Гоп! Алле! Выше и выше, с лаем,
Я, ликуя, бросаюсь в бумажные кольца,
Мы оба радостны, оттого что знаем,
Что синьора за нас Иисусу молится;
Мы недаром прожили общей жизнью
И делились братски каждой подачкой,—
У меня человеческая чуткость мысли,
У него—преданность и покорность собачья.

II.

В эти дни особенно радостно слушать,
Что Христос родился в яслях,
Гладил ослика шелковистые уши,
А звезды над ним загорались и гасли.
На солнечной улице ребятишек чумазых
Учил обычным детским потехам,
Играл с овцами, а быков черноглазых
Хватал за рога с счастливым смехом.
Потом возвращался в хижину жалкую,
И спать ложился с сонными глазками,
У постели садилась Мария с прялкою
Его баюкать наивными сказками.
И рос он, маленький, умным, послушным,
Но был, наверно, большим проказником,—
Любил босиком бегать по лужам,
А сандалии надевал только по праздникам.

МИХ. ГАЛЬПЕРИН.

А. В. Косьяновой

I.

НА СНЕГУ.

Горят приветно квадраты окон,
Бросая блики на бледный снег.
Мелькнул и скрылся твой темный локон,
Душистый спутник любовных нег...

К моей любимой, к моей отраде
Пришел под окна я в поздний час...
Брожу безмолвно в ночной прохладе
С мечтой о взгляде лучистых глаз...

Вот нежный облик вернулся женский,
Окно сверкнуло в моем мозгу,
И взвился шопот:—Вы, словно Ленский,
Совсем, как Ленский, Вы на снегу...

Хочу ответить, но сердце сжалось,—
Оно так рвется взлететь к тебе...
А с неба звезды струят мне жалость
К моей печальной и злой судьбе...

Ноябрь 1921 г.

II.

БУДУЩЕЕ.

Судьба печальная меня уж не покинет,
Свершится все, чему быть суждено...
Прекрасный сон, я знаю, скоро минет,
Я не приду под светлое окно.

Поняв в тоске тщету моих исканий,
Но не забыв, и сна не разлюбя,
Одену жертвенник я в траурные ткани
И помолюсь однажды за тебя...

Да, в первый раз неведомому Богу
Я вознесу последнюю мольбу,
И в даль уйду, на снежную дорогу,—
Заканчивать тревожную судьбу...

Сквозь стон души моей, извечный стон
вселенский,
Последним выстрелом я сердце обожгу,
Но ты не скажешь мне:—совсем, совсем, как
Ленский,—
Вы словно Ленский на снегу...

Ноябрь 1921 г.

ВЛ. ГИЛЯРОВСКИЙ.

Мое сердце былым не пылает огнем,
Мои руки бессильно упали—
Ты орел с перебитым крылом
Не забывший небесные дали.
Захирели мы оба. А все же зовет
Нас раздольем лазурь голубая,—
Ты-бы в небо рванулся, в знакомый полет,
Я бы—в степь, без конца и без края!
Я-б увидел тебя, как ты в небе парил,
Ты-б взглянул на меня из-за тучи.
Оба полные воли и пламенных сил
Неудержны и грозно могучи.

—————
Я печально сижу наклонясь над столом—
Оба мы одинаковой доли—
Ты, орел с перебитым крылом,
Я, бродяга в мечтаньях о воле!

ГЕОРГИЙ ДЕШКИН.

I.

Мы связаны такою тонкой нитью
И так хрупка твоя любовь ко мне,
Что я боюсь ничтожнейших событий,
Неосторожных слов наедине.
Мне иногда почти до боли жутко,
Что нужен самый маленький предлог—
Неловкий жест, непонятая шутка—
Чтоб потерять тебя я снова мог.
Но прежде чем уйти непоправимо
И позабыть навеки обо мне,
Подумай—может быть, проходишь мимо
Такой любви, что снится лишь во сне!

II.

УСТАЛОСТЬ.

Не мани так упорно,
 Не мани, не зови!—
Все повторно, повторно
 И не стоит любви.

Все, что надо, сказали
 Те, другие, до нас.
Все разгаданы дали,
 Каждый выверен час.

Эти бледные строки
 Разве сам я сложил?—
Кто-то чуждый, далекий
 Их когда-то твердил.

Оттого и тоскую,
 И живу, не живя...
Где, скажите, найду я
 Мое бедное „я“?

Н. ЗАХАРОВ-МЭНСКИЙ.

ЛЕРМОНТОВ.

Варваре Могиной.

Перед иконою святой Варвары
Стать на колена и, склонившись ниц,
Не раздвигая сомкнутых ресниц,
Ждать терпеливо неизбежной кары.

Перед убежищем любимой им Тамары
Склоняли многие овал печальных лиц,
Следя за бегом строчек и страниц,
Поняв его мечты, восторги и кошмары.

Пагас лампадки лиловатый свет...
Его давно не стало. В сорок первом
Смерть разрешила бытия обет.

Не он ей скажет да, не он ей скажет нет...
Лишь тихие стихи дадут усталым нервам
Так долго ожидаемый ответ.

II.

В СОЧЕЛЬНИК.

— Кто, как прежде, в сочельник рождественский,
Счастье вложит в мой старый башмак?
Или счастье мое—путешественник,
И оно не приходит так?..

.
Все дома белым пухом опушены
И на окнах узоры горят,
Зимним холодом сны надушены,
О снегурочках сказки твердят,
О тех беленьких девочках маленьких,
С телом снежным и сердцем весны,
Что живут на весенних проталинках,
Где зимой снятся вешние сны...
Из за облака с круглой улыбкою,
Добродушно прищурясь, луна,
То осветит, то вновь в тучку рыбкою
Вмиг нырнет и исчезнет она...
За окном елка радугой светится,
Ее тащит рождественский дед;

Счастье детям сегодня метится
В вешей книге: „Бытия судеб“...
Тилиньтинькает с церкви благовест,
Всему миру поет весь мир
Ту, в которой одной лишь благо—весть,
Ту, в которой одной лишь мир...
Пускай счастье мое путешественник,
Пусть пустует мой старый башмак,
Все-ж я знаю—в сочельник рождественский
Свет осветит души моей мрак.

В. КОЧЕРГИН.

НОКТЮРН.

Все темнеет купол неба синий,
И огни закатные погасли,
И зажглись лампы горних скиний.
Тихо ночь таинственные ясли
Покрывает звездным одеялом;
И прерывисто потоком алым
Засверкали яркие зарницы.
Мир уснул в спокойной колыбели.
А в душе неведомые птицы
Про любовь и счастье песни пели.

ЭЗРА ЛЕВОНТИН.

I.

ДРАКОН.

Георгий, Георгий, Георгий,
Направь на меня копие!
В безгранном и горьком восторге
Низвергнул я сердце мое!

Полднeвность смеется и плачет.
И с бурей целуется плач,
И скачет, и скачет, и скачет
Мой горный и нежный палач.

Закрытый чешуйчатой броней.
Я вьюсь под упорным конем,
А Витязь в шеломе-короне
Горит неизбывным огнем.

Я щит, осиянный иконой,
Исчадным желанием пью,
И тихое тело Дракона
Клубится навстречу копью.

Внемли же мой голос нежданный,
Услышь проклятого меня:
Возлюбит тебя, Богоданный,
Дракон, Колдовская Змея!

И в радостях радужных оргий,
В восторге меня славословь! —
Я Миру дарую, Георгий,
Свою окаянную кровь.

Я знаю иное веленье,
Надмирный провижу Закон:
Истаешь ты краткою тенью,
А Вечным—пребудет Дракон.

1921 г.

II.

ЗИМНИЕ СЕНТИМЕНТЫ.

Догореть—и, как пеплу, упасть—безглагольным
и нежным,
Неотрывно смотреть на экран,
И по тигровой шкуре рукою бродить осторожной
Всю безгрезную ночь до утра.

На качалке безмолвье давно позабытого веера...
Тишина—и сквозь прорезь окна
Мне кивает, оскалась, из бледного, мутного сквера
Электрическим ликом фонарь.

За портьерами дремлют покойные, строгие двери...
Мне не ждать и устать навсегда.
Белый пепел засыпал мое золотое поверье
И над веером мне не рыдать,

И в безгневной тоске—о, пойми!—познавать не-
преложность
Уводящих в Бездонность годов,—
И склониться к портрету, твою возлюбив невоз-
можность,
Как Тургенев к ногам Виардо.

ОЛЕГ ЛЕОНИДОВ.

II.

ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ.

Я чту его определенность,
Его размеренную медь,
Его уменье петь влюбленность
И не любить, и не гореть.
В его напевах напряженность,
И от годов им не истлеть;
Он—в море брошенная сеть,
Чтобы измерить всю бездонность,
Изведать тайны глубины
И цвет изменчивой волны,
Пройти дорогой отражений
И в четком зеркале теней
Явить и ярче и ясней
Боль вечных взлетов и падений!...

1920 г.

И .

А Р Г О .

Брат в разгуле и вине,
 Друг—таинственный бродяга!
 Чудится нередко мне
 Ваша огненная шпага
 И дуэль на перекрестке,
 И пронзенный Дон-Жван...
 А на вас не вижу ран.
 Слышу только буйный, хлесткий
 Стих рокочущих бравад.
 И в харчевне у заставы
 Вы, мой благородный брат,
 Щедро плещете отравы,
 И, стакан бросая на пол,
 Изрыгнув последний тост,
 Шлете мертвых на погост,
 Жадно тискаете в лапах
 Бедной прихожанки грудь!..
 Клин бородки вашей острой
 В чутких снах узрели сестры,
 И сестер объяла жуть...
 А Сальери мечет взоры,
 А Сальери вас позвал,
 И бросает вам в бокал
 Тайный дар своей Изоры.

НИНА МАНУХИНА.

1.

Одуванчик луны среброликий
И стеклянная синь вокруг.
Равнодушья какого улики
Ты оставил, недобрый друг?
Тетивую тугого лука
Натянулась моя тоска,
И слепою стрелою разлука
Зазвеневши, впилась у виска.
Ты прощальных слов не услышишь,
Не поймешь—весела? Грустна-ль?
А луна все выше да выше,
Мой тоскующий бледный Наль...
Как мы нищи, и как убоги,
Если даже любовный сказ
Обрываем вот так—у дороги,
Под сурдинку банальных фраз.

II.

Уронила любимый томик
Окропленных росой новелл...
Счастье—карточный домик,
Время—Тоске предел.
И вдруг расцветает память
— Колдовская разрыв—трава,—
И рассыпались годы—камни,
Прорастают стебли—слова...
Смерти нет! И с тобой разлука
— Полустертый, нестрашный бред.
Задыхаясь, ломаю руки,—
Нестерпимо слепящий свет.
Шелестят запоздало жалобы,
Недоласканных губ упрек...
Я рукою, любимый, сжала-бы
Непослушного сердца комок!
Мне не ведать счастья чудесней.
Вновь и вновь зацветет цветок,
Чтобы вспыхнуть прозрачной песней
И погаснуть в бисере строк.

НИКОЛАЙ МИНАЕВ.

1.

Ах, в дуновеньи ли, в привете ли
Уста весны еще робки,
Но все таки ее заметили
Воркующие голубки.
Душа надеждами окутана,
Подвластная весны рулю,
Уже не даст себя в лоскут она
Укрыть буяну—февралю.
Пускай колючими метелями
Он роет воздух в темноте,
Из нас никто не спросит, те-ли мы,
А каждый знает, что не те.
В томлении предвоскресения
Избытком бодрости дышу,
И взбудораженность весенняя
Влечет за стол к карандашу.

1921.

II.

Не траурной, а розовой печали
Незримый след отметил мне чело;
Январь жесток, а в сердце зажурчали
Ручьи любви и сердце зацвело.
И день и ночь являют профиль милый,
Тугую грудь и слабую ладонь,
И томный ток пронизывает жилы,
Вливая в кровь расплавленный огонь.
О, этот жар!.. В нем таешь, не сгорая;
В ушах звенит:—от прошлого отчаль,
Еще нежней твоя любовь вторая,
Еще прозрачней хрупкая печаль...

1921.

СУСАННА УКШЕ.

I.

НА ПУТИ В АСТРАХАНЬ.

С. А. Куккелю.

Эта степь, бесконечная, голая,
Распласталась под снежным настилом.
Не отсюда ль седая Монголия
Русь кровавою плетью крестила?
Через это низовье, что замерло,
Слал Восток свои орды на Запад,
И страна окрыленного мрамора
Зазвенела под бронзовой лапой.
Не кочуют народы ныне,
И Восток заболел бессильем,
И лежит, как платок, пустыня
На бескровном лице России.
Лишь кумирня старухой доброй
Улыбнется китайской крышей.
Медный Будда, с глазами кобры,
Там молитву монгола слышит.
Да киргиз на горбу верблюжьем
Горизонт перережет птицей,
Да пурга панихидой вьюжной
Любит здесь о былом томиться.

II.

КАРАВАН В БАКУ.

К. С. Курбатовой.

Были улицы вербеной пьяны,
Ветер дул с пылающего Юга.
Под окном звенящим караваном
Одногорбые брели верблюды.
Разодеты пестрыми коврами,
Мерной поступью прошли лениво,
А за ними изумрудной рамой
Стлались волны знойного залива.
Были женщины смуглы и босы,
Обожженные дыханьем лета.
Разметались под чадрами косы,
И сияли на руках браслеты.
И в чалме, надменный и суровый,
С бородой, окрашеною хиной,
Сам хозяин, на горбу ковровом,
Грел широкую на солнце спину.
Поднималась пыль за караваном,
Колокольчики вдали звенели.
Были улицы вербеной пьяны.
И цветы лежали на панели.

1921 г.

I.

Не верь, дитя,—порыв любви
Уйдет легко, как сон мгновенный—
Я обману мечты твои
И трепет думы сокровенной.
Улыбке нежной и словам
Не верь в интимном разговоре:
Я ими сердца не отдам
Тебе ни в радости, ни в горе.
Прекрасна искренность твоя,
Но, ей внимая равнодушно,
Ее совсем не стою я,
Иному голосу послушна.
Казалось мне, любви моей,
Былой любви, увяла греза...
Но... вот вчера опять о ней
В саду заплакала... береза.

1921.

II.

БЕЛЫЙ ЦВЕТOK.

Между скал угрюмых—у седого моря
После жуткой бури выглянул цветок,
И в безмолвном взгляде тайных дум и горя
Я прочла душою, как он одинок.
Я к нему склонилась, может быть, невольно,
Я его спросила—между этих скал:
„Как давно живет он? Что ему так больно?
Разве он о счастье в жизни не слышал?
Отчего он бледен? Иль в лазури ясной—
Золотое солнце трепетным лучем,
Улыбаясь миру в день весны прекрасной,
Может быть, забыло временно о нем?“
„У седого моря—между скал угрюмых
Не один расту я вечно одинок,
И порой в горячих неотвязных думах
Не один кляню я беспощадный рок.
Здесь отчизна наша,—мы живем в неволе,
Без луча надежды светлой впереди,
И никто не знает вековой доли,

С колыбели нашей спрятанной в груди.
Сколько нас погибло у седого моря
В роковые бури между этих скал!
И не дрогнут скалы от чужого горя,—
Я давно их понял, хорошо узнал.
Но в лазури чистой светит вдохновенно
Золотое солнце ярко по весне,
И люблю его я сердцем неизменно,—
Только это солнце помнит обо мне.“

.....
После жуткой бури у седого моря,
Где живут веками рабство и тоска,
Где не дрогнут скалы от чужого горя,
Я узнала тайну белого цветка...

1916.

МАРИАННА ЯМПОЛЬСКАЯ.

I.

ЛЮБОВЬ.

Беспокойная—бьется, плещет.
Круглый, крепкий и красный клюв.
С каждым взлетом—острей и резче,
Неотступней: Люблю. Люблю.
Грубо ранит краями крыльев,
Ускоря кровавый ток.
В сердце, затканном пеплом и пылью,
Загорается красный цветок.
Успокоилась. Крылья сложила,
Клюв раскрыла—в последней тоске.
 Только бьется бессонная жила
 У меня на виске.

II.

Опять костлявая тоска мне
Сжимает мозг—еще живой.
Вновь спотыкаюсь я о камни
Сжатой морозом мостовой.
И снова спугнутые мысли
Крылами бьют, как стаи птиц.
Ряды неумолимых чисел
Вехами встали на пути.
Не миновать, не уклониться,
Не разрубить печаль плеча,—
Скользит подстреленная птица,
Крылом подбитым волоча.

О Г Л А В Л Е Н И Е:

	Стр.
Екатерина Волчанецкая.	
1. „Гоп! Алле!“...	4
2. „В эти дни особенно радостно слушать“...	5
Мих. Гальперин.	
1. На снегу	6
2. Будущее	7
Вл. Гиляровский.	
„Мое сердце былым не пылает огнем“...	8
Георгий Дешкин.	
1. „Мы связаны такою тонкой нитью“...	9
2. Усталость	10
Н. Захаров-Мэнский.	
1. Лермонтов	11
2. В сочельник	12
В. Кочергин.	
Ноктюрн	14
Эзра Левонтин.	
1. Дракон	15
2. Зимние сентименты	17
Олег Леонидов.	
1. Валерию Брюсову	18
2. Арго	19

Нина Манухина.	
1. „Одуванчик луны среброликий“ . . .	20
2. „Уронила любимый томик“ . . .	21
Николай Минаев.	
1. „Ах, в дуновеньи-ли, в привете-ли“ . . .	22
2. „Не траурной, а розовой печали“	23
Сусанна Укше.	
1. На пути в Астрахань . . .	24
2. Караван в Баку. . .	25
Ел. Шварцбах-Молчанова.	
1. „Не верь дитя,—порыв любви“ . . .	26
2. Белый цветок . . .	27
Марианна Ямпольская.	
1. Любовь	29
2. „Опять костлявая тоска мне“	30
